

УДК 811.161.1

А. В. Уланов

**КОНЦЕПТ 'ОБУЧЕНИЕ'
В РУССКОМ ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ XIX ВЕКА**

Автор констатирует широкую представленность концепта 'обучение' в языковой картине мира XIX в. и останавливается на анализе репрезентантов концепта в языковом узусе военного подязыка XIX в. Дается когнитивное описание лингвистических фактов в рамках диахронической коммуникации.

48

The author emphasises the high frequency of the use of 'training' concept in the linguistic world image of the 19th century and analyses the representative of the concept in the linguistic usage of military sublanguage of the 19th century. The article offers a cognitive description of linguistic factors in the framework of diachronic communication.

Ключевые слова: концепт, диахроническая коммуникация, русский военный дискурс.

Key words: concept, diachronic communication, Russian military discourse.

Концепт — многогранное понятие, имеющее сложное структурное содержание. По мнению В. А. Масловой, к нему «относится все, что принадлежит строению понятия, с другой стороны, в структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры, — исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации, оценки, коннотации» [6, с. 59]. Концепт, согласно когнитологии, формируется в сознании человека и «состоит из компонентов (концептуальных признаков), то есть отдельных признаков объективного и субъективного мира, дифференцированно отраженных в его сознании и различающихся по степени абстрактности» [6, с. 60].

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что концептуальное рассмотрение языковых единиц касается лишь их *настоящего*, но не *прошлого* функционирования, в связи с чем представляется актуальным анализ русской концептосферы в контексте диахронической коммуникации. Когнитологи, однако, акцентируют внимание на том, что «концепт имеет слоистое строение, и разные слои являются результатом, осадком культурной жизни разных эпох» [6, с. 61]. Мы присоединимся к мнению тех исследователей, которые считают, что концепт «складывается из исторически разных слоев, различных и по времени образования, и по происхождению, и по семантике, и имеет особую структуру, включающую в себя:

- основной (актуальный) признак;
- дополнительный (пассивный, исторический) признак;
- внутреннюю форму, обычно не осознаваемую» [6, с. 61].

В связи с перечисленным выше можно вывести основные задачи исследования когнитивных особенностей языковых единиц в рамках диахронической коммуникации: 1) выявление семантического признака, актуального для любой исторической эпохи; 2) выявление пассивного семантического признака, актуального для соответствующей эпохи реализации концепта. Частной задачей диахронического анализа концептов выступает изучение смысловой сферы последних в плане формирования их ядра и периферии на протяжении времени.

Анализ диахронических репрезентаций концептов, по мнению Н. Коч [5], позволяет установить системные связи в диахронии, что является «основополагающим, исходным методологическим приемом в исследовании концептуальной картины мира и ее элементарных единиц — концептов» [5, с. 317]. Н. Коч вводит понятие *диахронический концепт* — «условно моделируемая единица, реально существовавшая в сознании носителей языка, с помощью которой в исследовательских целях проводится динамическое изучение архаичного коллективного сознания, отраженного в концептуально-языковой картине мира» [5, с. 317].

В рамках диахронического подхода актуализируется социокультурное и ценностное содержание концепта. При этом важен анализ следующих его компонентов: общечеловеческого, универсального; национально-культурного, обусловленного жизнью человека в определенной культурной среде; социального, определяемого принадлежностью человека к определенному социальному слою; группового, обусловленного принадлежностью языковой личности к некоторой возрастной и половой группе; индивидуально-личностного, формируемого под влиянием образования, воспитания, индивидуального опыта, психофизиологических особенностей языковой личности [6, с. 61].

Методика описания концепта требует в первую очередь выделить в его структуре ядро и периферию. Ядро, по В. А. Масловой, — словарные значения той или иной лексемы; периферия — «субъективный опыт, различные прагматические составляющие ядерной лексемы, коннотации и ассоциации» [6, с. 65]. Для определения ядра концепта выявляется референтная ситуация, устанавливается место концепта в языковой картине мира, учитывается этимологический фактор; необходимо также проанализировать концепт в разном контекстуальном содержании, а полученные результаты сопоставить с анализом ассоциативных связей ключевой лексемы. Для структуризации концепта используются такие его компоненты, как фрейм, сценарий, скрипт и т. д.

Мы исследовали языковую реализацию концепта 'обучение' в языковой среде XIX в., однако использовали в основном источники отчетно-статистического и справочно-информационного характера, так как именно они дают наиболее широкую картину развития военного обучения и образования в анализируемый период. Нами охарактеризовано функционирование репрезентантов концепта в рамках следующих источников: «Историко-статистический очерк Астраханского казачьего войска» (1890) [3], «Военный энциклопедический лексикон» (1852–1858) [1], «Энциклопедия военных и морских наук» (1897) [8], «Военная энциклопедия» (1912) [2] и др. Проанализировав языковой материал, мы пришли к выводу, что концепт 'обучение' реализуется в двух сферах: общего образования и военного образования. Временной

разброс написания источников позволяет воссоздать военную концептосферу XIX в., сформировать целостное представление об отдельных концептах этого периода истории русского языка.

Анализ экстралингвистического фона концепта 'обучение' должен включать анализ функционирования системы военного образования XIX в.

Как отмечается в «Военной энциклопедии» 1912 г., военно-учебные заведения «въ Россіи по своему назначенію м. б. подраздѣлены на слѣд. главнѣйш. группы: а) зав-нія, служащія для предоставленія малолѣтнимъ общаго средн. образованія и воспитанія; б) зав-нія, подготовляющія мол. людей къ достиженію званія оф-ровъ дѣйствит. службы; в) зав-нія для усоверш-нія образованія и спец. технич. знаній офи-ровъ дѣйствит. службы и г) зав-нія, подготовляющія спец-стовъ-техниковъ» [2, с. 553]. Составители документов-источников хронологически используют названия следующих учебных заведений XIX в.:

1. **Корпусъ** — начальное военно-учебное заведение закрытого типа для подготовки воспитанников к военной карьере: «Въ 1800 году (10 марта) **корпуса** наименованы: Сухопутный 1-мъ, а Артиллерійскій и Инженерный 2-м **кадетскими корпусами**. Въ томъ же году (16 октября) Шкловское военное училище переведено было въ Гродно, въ видѣ запасанаго отдѣленія 1-го **Кадетскаго корпуса**, и получило названіе Гродненскаго отдѣленія» [1, с. 532].

2. **Военно-учебное заведеніе**: «Въ томъ же году (10 октября) Пажескій Корпусъ преобразованъ въ **заведење военно-учебное**, для дѣтей лицъ высшаго сословія, обратившихъ на себя Высочайшее вниманіе своими заслугами» [1, с. 533].

3. **Военное училище**: «Въ 1803 г. составлена коммисія для разсмотрѣнія прозкта князя Зубова, объ учрежденіи губернскихъ **военныхъ училищъ** [1, с. 533]. Въ 1891 г. (24 ноября) по предначертанію генераль-инспектора инженеровъ, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Павловича, учреждено въ С. Петербургѣ специальное заведеніе, подѣ названіемъ Главнаго **Инженернаго училища** [1, с. 533]. Въ 1820 г., по образцу этаго училища, основано другое специальное заведеніе, подѣ названіемъ **Артиллерійскаго училища**... для образованія офицеровъ артиллерійскихъ» [1, с. 534].

4. **Школа**: «Въ 1823 г. (9 мая) при Гвардейскомъ корпусѣ учреждена **Школа Гвардейскихъ подпорощиковъ**, въ составѣ одной роты» [1, с. 534].

5. **Академія**: «Заведеніе это открыто 26 ноября 1832 г., и наименовано Императорскою **Военною Академією**» [1, с. 535].

6. **Военная гимназія**: «Для общ. Образованія съ авг. 1863 г. начали постепенно вводиться т. наз. Воен. гимназіи, т.-е. зав-нія общеобразовательныя, безъ воин. дисц-ны, при чемъ класс. отд-нія б. поручаемы безразлично воен. и гражд. чинамъ, вполнѣ подходящимъ для воспитат. дѣла» [2 с. 553].

Концепт 'обучение' реализуется в ряде следующих субконцептов, фиксирующих отдельные грани деятельности военно-учебных заведений XIX в.:

1. **'Место обучения'**: учебное заведение (ротные, полковые школы) «§ 165. Для обученія казачьихъ дѣтей, учреждаются: въ каждой ротѣ баталіона — **ротныя школы**, а въ конномъ полку — **полковыя школы**» [7, с. 42].

«Для пополненія строевыхъ частей офицерами служатъ: **военные академіи, военныя училища, кадетскія корпуса** и Оренбургское юнкерское училище. <...> Изъ общаго числа войсковыхъ уроженцевъ, обучающихся въ

военно-учебныхъ заведеніяхъ, приходится... на военную академію – 0,8, военныя училища – 10,5, кадетскія корпуса – 49,2, юнкерское училище – 39,5» [7, с. 172].

«Астраханскіе казаки обязаны ему основаніемъ пансіона для офицерскихъ дѣтей и станичныхъ училищъ для всѣхъ дѣтей вообще» [3, с. 236]. «**Войско-вой пансіонъ** былъ учрежденъ 2 Сентября 1830 года (приказъ по войску № 41) на 30 воспитанниковъ, преимущественно дѣтей офицеровъ Астраханскаго казачьяго войска. <...> «Воспитанники казачьяго пансіона обучались въ Астраханской губернской **гимназіи**, состоявшей тогда изъ 4 классовъ, а предварительно, до поступленія въ оную, въ училищахъ уѣздномъ и приходскомъ» [3, с. 237].

Среди особенностей реализации субконцепта – оппозиция 'военный' – 'гражданский', а также, возможно, 'светский' ('военныя училища' – «въ училищахъ уѣздномъ и приходскомъ»); родо-видовые связи («военно-учебные заведения: военныя училища, войсковой пансіонъ»); 'высшее' – 'среднее' образование («военныя академіи» – «военныя училища»).

2. '**Процесс обучения**' – предметы, цели обучения.

Предметы: «Предметы обученія казачьихъ дѣтей суть: 1) Законъ Божій <...> 5) **Первоначальное фронтовое образованіе**» [7, с. 42]. «В настоящее время въ станичныхъ и поселковыхъ школахъ преподаются слѣдующіе предметы: Законъ Божій, чтеніе и письмо, арифметика и **стреловая часть** [4, с. 172]. «Мальчики, въ свободное отъ класныхъ занятій время, обучаются **кавалерійскому строю, приѣмамъ оружейнымъ, шапкою и пикой, сборкѣ и разборкѣ казачьей винтовки и гимнастикѣ**» [4, с. 172].

Особенности реализации субконцепта: родо-видовые связи (первоначальное фронтовое образованіе: *стреловая часть, кавалерійскій строй, приѣмы оружейные*).

3. '**Персона**': учитель: «Жалованье **учителямъ** было опредѣлено изъ срдствъ войскаго капитала» [4, с. 172]; учащийся, стипендиат: «На содержаніе войсковыхъ **стипендіатовъ** въ учебныхъ заведеніяхъ ежегодно расходуется до 51 797 рублей» [4, с. 172].

Особенности реализации субконцепта: оппозиция 'учитель' – 'ученик' (*учитель – ученик, учащийся*); увеличение семантического объема лексемы за счетъ привлеченія семы 'оснащеніе, обеспеченіе' (*учащийся – стипендиат*).

4. **Документ**: «Въ 1836-же году Высочайше утверждено **положеніе о службѣ по учебной части** при Военно-Учебныхъ заведеніяхъ. <...> Въ 1845 году (1 января), Высочайше утверждены новыя **правила** для опредѣленія малолѣтнихъ дворянъ въ кадетскіе корпуса. <...> Въ 1848 году (24 декабря) Высочайше утверждено **Наставленіе** для образованія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ заведеній» [1, с. 535].

Концептуальная репрезентация сопровождается субстантивной номинацией, глагольной номинацией (*преподавать*).

На бытованіе военныхъ учебныхъ заведеній по метафорической модели «принять» 'зачислить в число слушателей' и «штатъ» 'число обучающихся' переносятся реалии военного быта: «Въ 1831 году туда было **принято** еще 10 воспитанниковъ (пр. № 9) и въ 1832 году остальные (прик. № 10) и такимъ образомъ былъ скомплектованъ войсковой пансіонъ на **штатное** число дѣтей» [3, с. 237–238]. «Впослѣдствіи, именно въ 1838 году, по случаю недостатка офицерскихъ дѣтей, разрѣшено было, на свободныя вакансіи, **принимать** въ пансіонъ дѣтей и дѣтей нижнихъ чиновъ» [3, с. 237].

Репрезентанты концепта 'обучение' актуализируются с учетом следующих аспектов:

– **гендерный**: различие в половом признаке при указании на статус участвующего в образовательном процессе: «Въ это время число ихъ возрасло до 300 мужскихъ съ 8769 учениками и до 119 женскихъ съ 2241 ученицей. <...> При этомъ и содержаніе **учителямъ и учительницамъ** увеличено противъ прежняго» [1, с. 172];

– **уровневый**: низшее – высшее образование. Данный аспект предполагает наличие некоего промежуточного элемента, в роли которого выступает среднее военное образование (училище);

– **территориальный**: апелляция к месту расположения учебного заведения: «Въ 1880 году въ военно-учебныхъ заведеніяхъ изъ сословія **Астраханскаго казачьяго войска** обучалось: въ **Кіевской военной гимназіи** 1 челов.» [3, с. 253]. «Воспитаніе должно начинаться въ **губернскихъ военныхъ училищахъ**, а оканчиваться въ **двухъ высшихъ кадетскихъ корпусахъ**, 1-мъ и 2-мъ» [1, с. 533]. Данный аспект предполагает как апелляцию к непосредственному месту расположения учебного заведения (**Кіевской военной гимназіи**), так и к видовому названию территориального образования (**уѣздное – городское училище**);

– **материальный**: данный аспект связан со способами материального снабжения военного образования (оснащение учебного процесса, оплата труда учителей). Материальный аспект реализуется с помощью лексем-репрезентантов концепта 'оснащение' **сумма, жалованье, расходы, обзаведеніе**: «Сумму эту распределить, при участіи инспектора станичныхъ училищъ, между станицами сообразно средствамъ каждой и съ такимъ расчетомъ, чтобы станичной общество принимало на себя не менѣ 1/3 расхода на жалованье учителю и учительницѣ, а также и на учебныя пособія, и не менѣ половины расхода на первоначальное обзаведеніе содержаніе **мастерскихъ и мастеровъ**» [3, с. 251].

В рамках концепта 'обучение' существуют следующие оппозиции.

1. **Женское / мужское образование**: хотя составитель очерка [3] отмечает, что «въ 6 послѣдкахъ имѣются общія школы для мальчиковъ и для дѣвочекъ» [3, с. 241], но ранее в этом же источнике находим: «Такимъ образомъ въ Астраханскомъ казачьемъ войскѣ существуютъ нынѣ собственно **мужскихъ 15, женскихъ 14 станичныхъ училищъ** и 5 **посѣлковыхъ**, въ которыхъ обучаются мальчики и дѣвочки вмѣстѣ» [3, с. 238].

Оппозиция подчеркивается контекстом на примере родовой пары пансіонеръ / пансіонерка:

«Были отправлены въ 1833 году на войсковыя суммы изъ числа **пансіонеровъ** два въ С.-Петербургъ въ училище гражданскихъ инженеровъ (прик. № 35, 1833 года) и четыре воспитанника въ Харьковскую гимназію» [3, с. 237]. «Въ 1841 году при институтѣ дѣвицъ въ Астрахани былъ учрежденъ приѣмъ 5 **пансіонерокъ**, офицерскихъ дочерей сословія Астраханскаго казачьяго войска, въ 1863 году прибавлено еще 2 стипендіи войсковыхъ пансіонерокъ при Институтѣ» [3, с. 240].

Ряды оппозиций сопровождаются также парами низшее / высшее образование; грамотный / неграмотный; войсковой счет / собственный счет: «Изъ числа учившихся въ постороннихъ училищахъ, на **войсковой счетъ** содержалось 15 м. п. и 7 ж. п., а на **собственный** – 142 мальчика и 31 дѣвочка» [3, с. 247].

2. **Войсковые / иные учебные заведения:** «Сравнивая между собою число учившихся в 1880 году к *казацких* и *посторонних* училищах, видно, что в первых училось 1064, а во вторых 195 дѣтей, т. е. в 5 ½ меньше» [3, с. 247].

3. **Грамотный / неграмотный:** «Оренбургское казачье войско, при возникновении своем, находилось на крайне низкой степени умственного развития. Это видно из того, что в 1754 году из 1380 человек Исетских казаков не было ни одного *грамотного*» [4, с. 170].

6. **Военный / гражданский:** «Съ открытіемъ в Оренбургѣ гимназій *военной и гражданской*, стипендіаты Оренбургскаго войска изъ Орловской, Полоцкой и Казачьей гимназій были переведены в Оренбургскія» [4, с. 175].

Чрезвычайно разветвленные парадигматические отношения свидетельствуют о высокой степени развития военно-образовательной сферы в XIX в., а также военной концепто- и терминосферы. Парадигматика военных лексем подчеркивается примерами синонимов: *учебная часть* – *училищное дѣло* – *народное образование* – *строевое образование*.

В сфере родо-видовых отношений показателен пример родового слова *училище*, связанного семантическими отношениями с концептуально соотносимыми видовыми словосочетаниями типа *женское училище*, *артиллерійское училище*, *станичное*, *поселковое училище*. В каждом словосочетании актуализируется один из семантических признаков родового слова (контингент обучения – *женское училище*, территория расположения – *поселковое училище* и т. д.):

«Въ послѣдствіи были открыты, кромѣ сказанныхъ, и въ другихъ станицахъ даже и нѣкоторыхъ поселкахъ войска *станичныя и поселковыя училища*» [3, с. 238];

«Женскія станичныя училища, поименованныя выше, были учреждены вслѣдствіе разрѣшенія военнаго совѣта, послѣдовавшаго в 1867 году, на открытіе при станицахъ, по желанію общества, *женскихъ училищъ*» [3, с. 240];

«11 Юня 1846 г. было разрѣшено воспитывать... въ *артиллерійскомъ училищѣ* и въ кадетскихъ корпусахъ по 2 стипендіата въ каждомъ, изъ сословія Астраханскаго казачьяго войска, дѣтей дворянъ, приобрѣтшихъ на то право долговременною отличною службою» [3, с. 240];

«Въ 1869 г. учреждено было въ Новочеркасѣ *урядниче училище*. <...> Въ 1871 году это училище переименовали въ *юнкерское училище*» [3, с. 241].

Проанализировав функционирование концепта 'обучение', мы пришли к выводу, что его широкая представленность в военной сфере XIX в., с одной стороны, свидетельствует об актуальности этого понятия для военной языковой картины мира, а с другой – позволяет выявить общие тенденции развития и существования военной концептосферы в рамках диахронической коммуникации.

Список литературы

1. Военный энциклопедический лексикон : в 14 т. СПб., 1852–1858. Т. 3 // Руниверс : [сайт]. URL: runivers.ru (дата обращения: 24.02.2012).
2. Военная энциклопедия : в 18 т. СПб., 1912. Т. 6.
3. Историко-статистическій очерк Астраханскаго казачьяго войска / составлень полковникомъ Василиемъ Скворцовымъ. Саратовъ, 1890 // Руниверс : [сайт]. URL: runivers.ru (дата обращения: 24.02.2012).

4. *Историко-статистический очерк Оренбургскаго казачьяго войска...* Оренбургъ, 1891 // Руниверс : [сайт]. URL: <http://www.runivers.ru/lib> (дата обращения: 24.02.2012).

5. Коч Н. Исследование концептов в диахронии как теоретическая и методическая проблема // Наукові записки. Кіровоградський державний педагогічний університет ім. В. Винниченка. Сер.: Філологічні науки (мовознавство). 2000. Вып. 89 (1). С. 316–320.

6. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. Минск, 2008.

7. Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку. СПб., 1849 // Руниверс : [сайт]. URL: <http://www.runivers.ru/lib> (дата обращения 24.02.2012).

8. *Энциклопедия военных и морских наук* : в 8 т. СПб., 1883–1897. Т. 8 // Руниверс : [сайт]. URL: <http://www.runivers.ru/lib> (дата обращения: 24.02.2012).

Об авторе

Андрей Владимирович Уланов – канд. филол. наук, доц., Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, Омск.

E-mail: prorektorsibit@rambler.ru

About author

Dr. Andrei Ulanov, Associate Professor, Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk.

E-mail: prorektorsibit@rambler.ru